

УДК 81'38

Ладыненко А. П.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ В РАЗЛИЧНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ СИТУАЦИЯХ

Статья посвящена исследованию особенностей функционирования иноязычных вкраплений в различных коммуникативных ситуациях, представляемых в художественном тексте. Основные типы подобных коммуникативных ситуаций анализируются с помощью фреймовых процедур, что позволяет более чётко определить роль и значение межкодового взаимодействия в процессе общения.

Ключевые слова: иноязычное вкрапление, коммуникативная ситуация, персонажная речь, фрейм.

Ладыненко А. П. Особливості функціонування іношомовних включень у деяких комунікативних ситуаціях. – Стаття. Статтю присвячено дослідженню особливостей функціонування іношомовних включень у деяких комунікативних ситуаціях. У статті аналізуються типи комунікативних ситуацій за допомогою фреймових процедур, що дозволяють більш чітко визначити роль та значення міжкодової взаємодії в процесі спілкування.

Ключові слова: іношомовне включення, комунікативна ситуація, персонажна мова, фрейм.

Ladynenko A. P. Features of foreignisms functioning in different communicative situations. – Article.

The article focuses on the study of features of foreignisms functioning in different communicative situations founded in artistic texts. Some types of communicative situations are analyzed in the paper by means of frame procedures that help to define the role of codes interaction in different communicative situations.

Key words: foreignisms, communicative situations, character's speech, frame.

Статья посвящена проблемам построения диалогической речи в художественном тексте (ХТ) с использованием иноязычных вкраплений (ИВ), которые имеют различную функциональную нагрузку.

Актуальность исследования состоит в важности изучения взаимодействия языковых кодов в различных коммуникативных ситуациях в связи с развитием тесных политических, экономических и культурных связей между различными странами. ИВ рассматривались в работах У. Вайнрайха, Н. Николиной, З. Тимофеевой, К. Федоровой и других [1; 4; 5; 6]. Однако исследование иноязычных вкраплений с помощью фреймового анализа не получили должного освещения в научной литературе, хотя вопрос применения фреймовых процедур в лингвистике и затрагивался в ряде исследований [3; 7; 11].

Объектом исследования в представленной статье являются иноязычные вкрапления в художественных текстах, базовым языком которых является английский.

Цель статьи заключается в том, чтобы с помощью фреймового анализа описать лингвостилистические особенности актуализации ИВ в различных коммуникативных ситуациях [8, 715].

Как показали наши наблюдения, большое число ИВ сосредоточено в персонажной речи (ПР) художественного текста, которую в научной литературе также называют диалогом или диалогической речью [2].

Исследование показало, что на долю ПР приходится 54% всего объёма ИВ в различных типах изложения.

Для анализа функций ИВ в художественном тексте (ХТ) представляется обоснованным использование приёма репрезентации диалога с помощью фреймов.

Понятие «фрейм» впервые появилось в исследованиях, посвященных искусственному интеллекту, и постепенно перешло в работы по лингвистике текста. Большую роль в плане разработки теории фреймовых операций сыграли работы М. Минского [3].

В самом общем виде фрейм определяется как «структура данных, которая служит для представления стереотипных ситуаций – таких, например, как «находиться в определенном типа комнате» или «идти на день рождения ребенка» [12, 180].

Своё определение фрейма дал и известный ученый В. Дейк: «фреймы – это представление знаний о «мире», которые дают нам возможность совершать такие базовые когнитивные акты, как восприятие, понимание языковых сообщений и [языковые] действия» [10, 31].

Как отмечает У. Эко, фрейм это уже потенциальный текст или концентрат повествования [9, 42].

Остановимся подробнее на использовании ИВ в различных коммуникативных ситуациях, представленных в ХТ в виде диалогических единств (ДЕ), понимаемых как «обмен высказываниями, из которых второе зависит от первого, порождено им и в своей языковой форме отражает эту зависимость» [8], или их комплексов, а также отрезков авторского повествования (АП), участвующих в создании соответствующих коммуникативных ситуаций.

Под фреймом в данной статье понимается схема устойчивой коммуникативной ситуации, включающая такие составляющие, как характеристика коммуникантов, коммуникативная интенция (КИ) и способ достижения коммуникативной интенции.

Фреймовый анализ позволил свести всё многообразие ситуаций общения с использованием элементов иноязычной речи к нескольким устойчивым типам, которые мы рассмотрим ниже.

Фреймовая ситуация № 1

Коммуниканты	а) собеседник А, не знающий язык собеседника Б или знающий его очень плохо
	б) собеседник Б, не знающий язык собеседника А или знающий его очень плохо
КИ	попытка понять друг друга
Способ достижения КИ	язык жестов, отдельные вкрапления общеизвестных иноязычных слов

В таких случаях общение крайне затруднено. Собеседники пытаются использовать язык жестов. Попытки вспомнить хотя бы какие-нибудь слова из чужого языка приводит к появлению в дискурсе отдельных ИВ. Это преимущественно общеизвестные формулы вежливости, формулы приветствия: *Prego; S'il vous plaît; Hello* и др.

Иногда иностранец использует слова своего родного языка, помогая себе различными жестами.

С целью номинации тех или иных предметов он использует остенсивные жесты и называет указываемый предмет на своем родном языке, что должно обеспечить идентификацию последнего для незнающих его языка собеседников.

Подобные случаи использования ИВ характерны, например, для ситуации «продавец – покупатель», когда покупатель – это турист, не знающий местного языка.

В романе Дж. Олдриджа «Морской орел» врач-грек, некогда учившийся в Англии, подзабыл английский язык. Тем не менее он пытается говорить с героем-австралийцем на его родном языке:

"Then they brought you here <...> on an animal".

"On a mule", Burke said, remembering the state rough and smooth and pebbles.

"Yes. My English is forgotten" (13, 24).

Грек с трудом припоминает английские слова, не может вспомнить слово *mule* и заменяет его обобщенным словом *animal*. Бёрк, не знающий греческого, старается ему помочь, подсказывая нужные слова. Благодаря взаимным усилиям вербальный контакт можно считать состоявшимся.

Некоторые попытки найти словесный контакт оказываются безрезультатными, если нет возможности перейти на язык жестов. Так, раненый Бёрк из того же романа Дж. Олдриджа не в состоянии даже жестами показать, что хочет пить.

Гречанка, которая за ним ухаживает, не может понять его пожелание:

"Is there anything to drink?" he said to the woman.

She rolled him on his stomach and then called to someone. Burke was trying to remember the Greek word for water, but was still too tired (13, 23).

Словесного контакта в данном случае не произошло. ДЕ оказалось вербально незавершенным. В силу обстоятельств (ранения) стал невозможным и язык жестов. Женщина, незнающая английского, не смогла правильно отреагировать на сло-

ва раненого. В результате перлокутивный эффект оказался не соответствующим иллюкуции. Иными словами, реакция не отвечает коммуникативной интенции. Вместо того чтобы дать Бёрку воды, женщина перевернула его на живот. Её догадка не сработала, она оказалась ошибочной.

Фреймовая ситуация № 2

Коммуниканты	а) собеседник А, не знающий родной язык собеседника Б
	б) собеседник Б, знающий родной язык собеседника А
КИ	найти взаимопонимание с собеседником
Способ достижения КИ	активное использование элементов языка известного обоим собеседникам

В этом случае общение может быть вполне успешным, даже если собеседник Б плохо знает родной язык собеседника А.

Так, господин Эрфе из романа Дж. Фаулза «Волхв» с греками, не знающими английский язык или знающими его очень плохо (несколько самых расхожих фраз и выражений), старается разговаривать на греческом, хотя не владеет им достаточно хорошо:

"O Kyrios?" I asked.

"Ephade. Eine epano". Has eaten, is upstairs. Like the villagers, with foreigners she made no attempt to speak more comprehensibly, but uttered her usual fast slur of vowel sounds (15, 98).

Инициатором контакта здесь является Эрфе, которому необходимо получить информацию о нахождении Кончиса. Собеседница неохотно идет на контакт с иностранцем, но не может сделать вид, что не понимает его, поскольку Эрфе обратился к ней на её родном языке – греческом.

С собеседником из Бельгии он переходит на родной язык последнего – французский, которым тоже владеет неплохо:

I asked in Greek if he had lost anything.

"Ah pardon ... est-ce que vous parlez francais, monsieur?"

I said yes. I spoke some French (15, 120).

Далее разговор ведется на французском языке, одну из реплик которого автор воспроизводит аутентично:

"Ah, très bien. Mille mercis, monsieur" (15, 120).

Бельгиец благодарит Эрфе за то, что тот помог найти ему набалдашник от трости. Вся остальная часть беседы представлена либо в форме тематической речи в рамках АП, либо в виде отдельных вкраплений в авторский текст:

He found Phraxos pittoresque, mais mains belle que Délos (15, 120).

Таким образом, ИВ в рамках АП могут быть средством определённого оживления голоса персонажа, дополняя в этом плане ПР, хотя об-

щий план изложения с точки зрения нарратора сохраняется.

Фреймовая ситуация № 3

Коммуниканты	все коммуниканты с разным набором родных языков знают язык-посредник (третий язык)
КИ	найти языковой контакт
Способ достижения КИ	использование языка-посредника

Так, греки, знающие неплохо французский язык, разговаривают с англичанином Эрфе из романа Д. Фаулза «Волхв» на французском языке, на котором ему общаться комфортнее, чем на греческом, которым, по его собственному признанию, он не владеет в достаточной для серьёзного общения степени.

Для того чтобы избежать скандала, декан Мавромикалис по поручению директора мягко убеждает Эрфе покинуть колледж, поскольку он несерьёзно относится к своим профессиональным обязанностям. Грек заговаривает с Эрфе на языке-посреднике (французском), который хорошо знает герой романа. Беседа на греческом могла бы в какие-то моменты быть затруднительна для неудачливого преподавателя. Поэтому, отдавая дань вежливости, декан переходит на язык, на котором Эрфе комфортнее вести беседу. Однако эта подчеркнутая вежливость только усугубляет чувство досады, которое испытывает Николас Эрфе в связи с предложением уволиться:

“Je veux vous parler, Monsieur Urfe”.

I had another surprise then, because he had never spoken to me before in anything but Greek; I had always assumed that he knew no other languages (15, 396).

Автор не приводит всю беседу на французском языке: это бы затруднило восприятие текста англоязычным читателем, который не всегда хорошо владеет французским. О том, что разговор происходит на французском языке, Фаулз напоминает, перемежая реплики в переводе на английский (их большинство) с репликами на французском языке. Последние – это в основном короткие и легкие для понимания высказывания, которые могут быть поняты среднестатистическим англоязычным читателем без перевода или комментария, например:

I said coldly, “Eh bien?” (15, 397).

Многие англичане, которые когда-либо (например, в школе) изучали французский язык, могут основательно его подзабыть, но лексема *bien* относится к разряду тех слов, которые обычно хорошо запоминаются иностранцами наряду с другими, самыми распространенными словами и выражениями французского языка: *Bon soir! Adieu! A demain! Trez bien!*

На плохом французском языке-посреднике говорит итальянский полицейский с американцем Диком, который попал в полицейский участок, из романа С. Фицджеральда «Ночь нежна»:

“Spick Italiano?” he asked.

“No”.

“Spick Français?”

“Oui,” said Dick, glowering.

“Alors. Écoute. Va au Quirinal. Espèce d’endormi. Écoute : vous êtes saouïl. Payez ce que le chauffeur demande. Comprenez – vous ?”

Diver shook his head.

“Non, je ne veux pas”.

“Come?”

“Je paierai quarante lires. C’est bien assez” (14, 251).

Хотя Дик Дайвер немножко и говорит на бытовом итальянском, но он не решается общаться с полицейским на языке, который он не знает как следует. Итальянский полицейский плохо говорит и по-французски, и по-английски, о чем свидетельствуют графоны, передающие искажения во французской и английской речи итальянца (например, *spick* и др.). Тем не менее собеседники прекрасно понимают друг друга, когда общаются на французском, то есть на языке-посреднике.

Однако не всегда переход на родной или какой-то другой язык, известный собеседнику, является маркером вежливости. Так, немецкий офицер, полковник обращается к Кончису из романа Фаулза «Волхв» на ломаном французском, то есть на языке-посреднике:

“Mon lieutenant, voild pour moi la plus belle musique dans le monde”.

His French was heavily German (15, 274).

В данном случае переход немца на французский вовсе не дань уважения, знак вежливости, а насмешка над пленным офицером, которому он приказывает спеть:

He was a stock German sadist; the lieutenant, a stock good German (15, 274).

Однако собеседники могут и не стремиться к поддержанию коммуникации. В этом случае один из собеседников (или оба) переходит на язык, не известный слушателю, давая понять другому коммуниканту, что дальнейшее общение не желательно. Это может быть и проявление снобизма, когда один из собеседников хочет подчеркнуть превосходство в социальном плане, это может быть и враждебное отношение к людям другой национальности, что особенно часто проявляется по отношению к представителям противоположной воюющей стороны во время боевых действий.

Например, во время войны Кончис из романа «Волхв» Дж. Фаулза, которому довелось принимать участие в событиях на фронте, не желает поддерживать разговор с немецким офицером, который обратился к нему на своём родном языке. Переходя на английский, Кончис использует высказывание – клише, которое является грубым маркером прекращения беседы:

“Was Sagen Sie?”

“Oh go to hell!” (15, 271).

В свою очередь немцы в другой ситуации также не пожелали с ним разговаривать, хотя он делал всевозможные попытки наладить языковой контекст:

I made attempt after to speak with them. In English, then in my exiguous German; French, Greek. But they sat solidly opposite me, on the other side of the path. They hardly spoke ten words to each other; and were obviously under orders not to speak to me (15, 275).

Следует, правда, отметить, что данная коммуникативная ситуация в романе в диалог не разворачивается, рассказчик лишь констатирует сам факт нежелания вступать в контакт со стороны немцев.

В таких и подобных случаях мы имеем дело со следующей фреймовой ситуацией:

Фреймовая ситуация № 4

Коммуниканты	а) собеседник А не знает или очень плохо знает язык собеседника Б
	б) собеседник Б знает родной язык собеседника А
КИ	нежелание продолжать коммуникацию
Способ достижения КИ	намеренный переход собеседника Б на язык, не известный собеседнику А

Ещё одна коммуникативная ситуация, предполагающая присутствие модератора, может иметь следующий схематический вид:

Фреймовая ситуация № 5

Коммуниканты	носители различных языков, не знающие или плохо знающие языки друг друга (языки своих собеседников)
КИ	наладить коммуникативный контакт
Способ достижения КИ	через переводчика (третья сторона)

Такие ситуации, как показал наш анализ, можно найти и в произведениях Д. Фаулза и у С. Фицджеральда. В ХТ в качестве посредника-переводчика далеко не всегда выступает профессионал – это может быть любой человек, который знает те языки, на которых говорят собеседники.

В роли такого временного переводчика, например, выступает Фаултер в романе Г. Грина «Тихий американец», когда переводит английские фразы «тихого американца» Пайла для своей возлюбленной, вьетнамской девушки Фуонг на французский язык, которым она немного владеет.

Автор, однако, приводит только отдельные реплики Фуонг на французском языке. Большую часть её реплик он представляет в перекодированном виде, то есть в виде реплик на английском языке или в форме косвенной речи:

“You remember M. Pyle?” I said.

“Enchantée” <...>

I’m so pleased to see you again”, he said, blushing.

“Comment?”

“Her English is not very good”, I said.

“I’m afraid my French is awful. I’m taking lessons though. And I can understand – if Miss Phuong will speak slowly”.

“I’ll act as interpreter”, I said <...> (16, 65).

В упомянутом эпизоде автор демонстрирует, что Фуонг говорит по-французски, ограничиваясь всего двумя аутентичными репликами, переводя весь остальной разговор в плоскость английского языка. Далее следуют реплики, представленные в англоязычной версии Фаултера в виде прямой или косвенной речи.

Иногда перевод в коммуникативном плане представляется избыточным и скорее свидетельствует о том, что переводчик хочет продемонстрировать свою начитанность. Так, Кончис в разговоре с Эрфе («Волхв» Фаулза) использует латинское изречение *“Multa docet fames”*. Эрфе вполне понимает, о чём идет речь, так как его образовательный статус не уступает статусу Кончиса. Они понимают друг друга очень хорошо, относясь к числу эрудированных людей. Тем не менее Лили проявляет инициативу и переводит это высказывание на английский:

Hunger teaches many things (15, 229).

Перевод здесь скорее нужен среднестатистическому читателю, который может и не знать данного изречения, а не достаточно подкованным собеседникам Кончиса.

В процессе исследования были также зафиксированы случаи использования ИВ в «неотмеченной персонажной речи» [4]. К числу авторов, у которых встретились подобные конструкции, относится, например, Д. Фаулз:

*And he said, **Kakourgos, ma Ellenas** (15, 320).*

Здесь высказывание собеседника на греческом языке не отмечено кавычками.

Подобные случаи использования ИВ в неотмеченной ПР находим и у Э. Хемингуэя:

Nothing was ever stolen in the Hotel Montana. In other fondas, yes. Not here (17, 225).

В данном случае речь хозяйки захудалой гостиницы, испанки, также передается в неотмеченной и не ограниченной от авторской речи. Слово *fondas* по-испански означает «гостиница». Таким образом, автор не замедляет повествовательного ритма, встраивая реплики персонажей в общую повествовательную диалогическую канву. Вместе с тем многие особенности речи персонажей благодаря подобной техники ввода элементов ПР, в том числе и национально-языковые, сохраняются в пределах авторского повествования.

Таким образом, фреймовый анализ позволил определить и описать типовые ситуации, где

иноязычные вкрапления выполняют различные функции, способствуя гармонизации коммуникации или, наоборот, приводят к созданию конфликтной ситуации и служат сигналом прекращения речевого общения.

Вопросы фреймового анализа различных коммуникативных ситуаций требуют дальнейшего изучения, особенно при рассмотрении взаимодействий различных кодовых систем (вербальных, жестовых и т. д.).

Литература

1. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике / сост. и ред. В. Розенцвейг. – М. : Прогресс, 1972. – Вып. 6. Языковые контакты. – С. 25–60.
2. Мизецкая В. Композиционно-речевая организация персонажной подсистемы в драматургическом тексте : [монография] / В. Мизецкая. – О. : Черномор'я, 1992. – 150 с.
3. Минский М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М. : Мир, 1979. – 38 с.
4. Николина Н. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы : [монография] / Н. Николина. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2009. – 336 с.
5. Тимофеева З. Лингвостилистические особенности гетерогенного художественного текста (языковые средства выражения русского национального колорита в англоязычной прозе В.В. Набокова) : дисс. ... канд. фил. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / З. Тимофеева ; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. – СПб., 1995. – 195 с.
6. Фёдорова К. Лингвостилистические стратегии в ситуации обучения с иностранцем / К. Фёдорова. – СПб. : Питер, 2002. – 16 с.
7. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор ; пер. с англ. Л. Берасова // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1988. – Вып. XXIII : Когнитивные аспекты языка. – С. 52–93.
8. Шведова Ю. Очерки по синтаксису разговорной речи / Ю. Шведова. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 755 с.
9. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко. – СПб. : Симпозиум, 2007. – 502 с.
10. Dijk van T. Macro-Structures and Cognition / T. van Dijk // Twelfth Annual Carnegie Symposium on Cognition. – Pittsburgh : Carnegie-Mellon University, 1976. – P. 27–35.
11. Goffman E. Frame Analysis / E. Goffman. – New York : Harper and Row, 1974. – 577 p.
12. Winston P. The psychology of computer vision / P. Winston. – New York : McGraw-Hill, 1975. – 199 p.
13. Aldridge J. The Sea Eagle / J. Aldridge. – К. : Dnipro Publishers, 1973. – 280 p.
14. Fitzgerald F. Tender is the Night / F. Fitzgerald. – М. : Rainbow, 1983. – 400 с.
15. Fowles J. The Magus / J. Fowles. – New York : Dell Publishing, 2004. – 668 p.
16. Greene G. The Quiet American / G. Greene. – М. : Manager, 2004. – 176 с.
17. Hemingway E. Fiesta, and The Sun Also Rises / E. Hemingway. – St. Petersburg. : Anthology ; Caro, 2009. – 288 с.